

Любимый труд

Сегодня народному артисту СССР Ивану Александровичу Любезнову исполнилось 75 лет. Случилось так, что за день до встречи с ним по телевидению показали фильм-спектакль Малого театра «Ретро», в котором Любезнов сыграл главную роль. И естественно, разговор наш начался с впечатлений актера от работы над образом старого кровельщика, приехавшего к живущей в Москве дочери. Чужим себя чувствует в этом доме старик.

— В свои годы я кое-что повидал и понял на своем веку. Николай Михайлович (так зовут моего героя) не просто понятен мне по-человечески, но близок мне по духу, по своей сути, по своему отношению к труду. Вот, пожалуй, главное. Я ведь и начинался-то как человек среди трудового люда, рабочих. И отец, и дед, и прадед мой — волгари — были речниками. И, наверное, не случись мне стать актером, сам бы провел жизнь на Волге, на пароходе. Я до сих пор помню и люблю запах машинного масла, нефти.

Актер вспоминает о детстве, об отце, который был сначала масленщиком, позже машинистом. О том, как сам учеником кочегара ходил в рейсы от Астрахани до Нижнего Новгорода.

Любезнов вспоминает и клуб речников, организованный в Жуковском затоне, где обычно зимовал пароход, на котором работал отец. И о том, как активно участвовали в самодеятельности отец с матерью. Ему к самому хотелось выступать.

Он создал на пароходе коллектив «веселых артистов» и с удовольствием выступал перед пассажирами. Что только не входило в программу этих выступлений — шутка, танец, фельетон, политсатира...

Но всерьез не думал о профессиональной сцене.

— Все решила встреча с одним из пассажиров, который оказался артистом Александром Александровичем Костроминим. После очередного моего выступления он подошел ко мне, ласково обнял и сказал:

«Вам учиться надо, приезжайте в Москву». И оставил мне свой московский адрес. В 1928 году я приехал в столицу.

— Иван Александрович, в каждом труде есть момент высшего удовлетворения...

— Давайте уточним: в любимом труде. Потому что в нелюбимом труде такого момента нет. Вернее... есть — окончание работы.

— А в вашем труде, актерском, когда наступает такой момент? Наверное, на премьере?

— Почему на премьере? Или только на ней? Во все нет. То есть премьера — это всегда праздник для театра, для актеров. Но то, о чем спрашиваете вы, — момент наивысшего удовлетворения, а я бы сказал, наслаждения — он в другом. Я люблю слушать зрительный зал, тишину аншлага. Величайшую радость испытываю, когда понимаю, что сумел создать эту тишину. Или сумел вызвать в едином порыве взрыв хохота тысячелюбого зала.

— Иван Александрович, вам довелось в своей жизни играть с актерами, ставшими на театре легендой, репетировать с режиссерами, чьи имена вошли в историю советского театра и кино. Удивить вас, как говорится, нечем. Или все-таки есть чем? Что постоянно вызывает у вас интерес в искусстве?

— Не что, а кто. Актер. Вы знаете, я иной раз смотрю на кого-нибудь из своих коллег в спектакле или фильме и просто диву даюсь: ну как это он или она делают?! Как?! Как до-

бываются того, что глаз от них оторвать невозможно, каждое слово боишься пропустить! Все-таки театр — это чудо какое-то.

— Вы могли бы назвать имена особенно полюбившихся вам коллег?

— Раневская! Она всегда была и остается для меня загадкой. О ней можно говорить бесконечно и ничего не сказать. Ее можно только смотреть и слушать. Фантастика, а не актриса, необъяснимое в искусстве! Лапиков. Актер-оркестр — столько струн. Почти не меняется внешне, но за каждой работой — судьба, мировоззрение... Я бы назвал и Евгения Павловича Леонова. Очень глубокий, мощный талант.

— Иван Александрович, я часто читаю и слышу такие высказывания некоторых ваших коллег: свою роль я еще не получил, не сыграл. Что ж, действительно, у каждого актера есть эта самая своя роль? Что вкладывает актер в это понятие — «своя»?

— Наверное, говоря о такой роли, актер имеет в виду ту, от которой он испытывает подлинную радость.

— Пятьдесят шесть лет назад вы пришли в искусство. Последние тридцать шесть лет работаете в Малом театре. Приходите утром на репетицию, а вечером — на спектакль. И так — изо дня в день. А спектакли ведь разные бывают. На одни идете с охотой, с радостью, это рождает хорошее волнение, положительные эмоции... Но, верно, есть и другие спектакли, другие эмоции... А к тому, что не всегда профессия приносит радость...

— А вы можете назвать такой род человеческой деятельности, такую профессию, в которой не бывает огорчений? Но, как и в любом деле, горечь в конце концов проходит. Ее перебивает главная радость —

радость выхода на сцену. Вообще же театр обладает удивительной способностью лечить актера. Лечить духовно и даже физически. Ведь сколько раз бывало: идешь на спектакль со страшной головной болью и думаешь: ну как же я сегодня смогу играть? Или с большой температурой еле до театра доходишь и боишься даже думать о том, что впереди два с половиной часа напряженной работы, связанной с памятью (текст, и часто немалый), с переключением в буквально противоположное твоему собственному состояние, настроение... Глядь — к концу спектакля совершенно прошла головная боль, температура нормальная. Это совершенно непонятно... Как-то меня спросили на встрече со зрителями: «Почему актеры, как правило, долго живут»? Я думаю, что долгожительство — это привилегия не актеров, а вообще по-настоящему творческих людей, каким бы трудом человек ни занимался.

— Профессия изменила как-то ваш характер, привычки, способ общения с людьми?

— Профессия не может изменить характера. Это привилегия жизни, ее противоречий, уроков, ударов, радостей, разочарований, надежд... В профессии человек постигает себя именно в профессиональном плане, в деле, которое избрал.

— Иван Александрович, семьдесят пять лет — это ведь, как говорится, «не кот наплакал». Что самое интересное узнали вы за эти годы про себя?

— Что всегда любил и продолжаю любить труд. Почувствовал и понял, что выбрал себе на всю жизнь дело по душе. Что дело это, мой труд, нужны другим. И что, работая, могу доставлять людям радость. А значит, не даром живу на этой земле...

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.